

ГРНТИ 16.01.11

Оналбаева А.Т.,¹ Орынханова Г.А.,² Аскарова Г.С.³

^{1,2} *Казахский национальный женский педагогический университет,*

³ *Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан*

ТАБУ И ТАБУИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

В работе рассматривается лингвистическая и этнографическая природа табу и эвфемизмов как одного из актуальных вопросов лексикологии и стилистики казахского языка. Подробно изучен вопрос о возникновении и распространении табу. Дается классификация табу и эвфемизмов казахского языка. Изучены табу и эвфемизмы, возникшие на раннем этапе развития языка в силу религиозных представлений, а также обычаев, бытовавших некогда в народе. Классифицируются запретные слова и эвфемизмы, возникшие на иной социальной основе, которая включает в себя этикет, установленные моральные нормы и др. Выявлены приемы и языковые средства эвфемизации. Определены роль и функция табу и эвфемизмов в изменении значений слов и обогащении словарного состава и развития культуры речи.

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, приемы, методы, функционирование

Оналбаева А.Т.,¹ Орынханова Г.А.,² Асқарова Г.С.³

^{1,2} *Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті,*

³ *Әл –Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы, Қазақстан*

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ТАБУ ЖӘНЕ ТЫЙЫМ САЛЫНҒАН ЛЕКСИКА

Аңдатпа

Мақалада қазақ тілінің лексикологиясы мен стилистикасының өзекті мәселелерінің бірі ретінде табу мен эвфемизмдердің лингвистикалық және этнографиялық табиғаты қарастырылады. Табудың пайда болуы және таралуы туралы мәселе егжей-тегжейлі зерделенеді. Қазақ тілінде табу мен эвфемизмдердің жіктелуі беріледі. Діни көзқарастар, сондай-ақ салт-дәстүрлерге байланысты тілдің ерте даму кезеңінде пайда болған табу мен эвфемизмдер зерттеледі. Басқа әлеуметтік негізде пайда болған тыйым салынған сөздер мен эвфемизмдер жіктеледі, ол этикетті, белгіленген моральдық нормаларды және басқаларды қамтиды. Сөз мәндерін өзгертудегі, сөздік құрамды байытудағы және сөйлеу мәдениетін дамытудағы табу мен эвфемизмдердің ролі мен функциясы анықталады.

Түйін сөздер: табу, эвфемизм, әдістер, тәсілдер, қолданылатын жері

Onalbayeva A.,¹ Orynkhanova G.,² Askarova G.³

^{1,2} *Kazakh national women's teacher training University,*

³ *Kazakh National University named after al-Farabi,
Almaty, Kazakhstan*

TABOO AND TABULAR VOCABULARY IN THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract

This article examines the linguistic and ethnographic nature of taboos and euphemisms as one of the topical issues of lexicology and stylistics of the Kazakh language. The question of the origin and spread of taboos has been studied in detail. The classification of taboos and euphemisms of the Kazakh language is given. Taboos and euphemisms that arose at an early stage of language development due to religious beliefs,

as well as customs that once existed among the people, are studied. Forbidden words and euphemisms that arose on a different social basis, which includes etiquette, established moral norms, etc., are classified, techniques and language means of euphemization are identified. The role and function of taboos and euphemisms in changing the meaning of words and enriching the vocabulary and developing the culture of speech are defined.

Keywords: taboos, euphemisms, techniques, methods, functioning

Введение. Табу в лингвистическом понимании представляет собой слова, употребление которых запрещено как вследствие мифологических верований, суеверий и предрассудков, так и цензурных запретов боязни грубых или неприличных выражений [1, с. 99].

Что же касается эвфемизма, то он является следствием языкового табу. Эвфемизм – это употребление смягчающих, благозвучных выражений вместо грубых, неприличных, неприятных, вместе с тем эвфемизмы – это и замена запрещенных (табуированных) слов разрешенными [1, с. 453].

Целью является изучение способов образования, сферы функционирования табу и эвфемизмов в современном казахском языке. Определение сферы и темы эвфемизации в современном казахском языке, описание лингвокультурологических особенностей эвфемистической лексики.

Методика. В качестве методов исследования применялись: метод сплошной выборки, метод количественного анализа представленных эвфемизмов с точки зрения их тематики и способов образования, метод контекстуального анализа значений, метод анализа словарных дефиниций, а также компонентный анализ и интерпретационный метод.

Результаты. Из-за религиозных представлений подвергались запрету, следовательно и эвфемизации, названия некоторых животных, насекомых, болезней, слова, вызывающие дурные предзнаменования, а также имена людей. Исходя из этого, мы попытались классифицировать табу и эвфемизмы следующим образом:

1. *Названия животных.* Издревле у казахов существовал запрет на упоминание волка. По словам Р.Карутца, казахским детям строго запрещалось называть волка, так как иначе он нападал на стадо. Из-за страха перед хищником его окликали иносказательными эвфемистическими именами: *қара құлақ* (букв. черные уши), *ұлыма* (букв. воющий), *ит-құс* (досл. собака-птица) и т.д.

Аналогичному запрету подвергалось слово *жылан* (змея). Поэтому употреблялись эвфемистические названия *түйме* (букв. плеть), *ұзын құрт* (букв. длинный червь) и др.

Из суеверного страха перед тигром его также называли эвфемистически. Так, вместо прямого названия *жолбарыс* употребляли другле – *қара құлақ*, т.е. черные уши [2, с. 186].

По данным Бухатын Базылхан, казахи, прожившие в Монголии, не называют своим именем даже такого безобидного животного, как елік (косуля). Вместо *елік атып алдым* там говорят *жирен атып алдым* (букв. застрелил рыжего). Ясно, что это – охотничье табу.

По суеверным убеждениям, в народе не называют своим именем даже такого насекомого как клоп, причем этот запрет мотивируется тем, что его настоящее имя якобы приводит к быстрому их размножению. на основе этого верования у клопа появились эвфемистические названия: *қызыл* (букв. красное), *сасық* (букв. вонючий), *кебек* (букв. отрубь).

2. *Болезни.* Из суеверного старая казахи в прошлом избегали употребления прямых названий болезней, истребляющих людей и скот. Этот страх особенно усиливался обычно во время эпидемии и эпизоотии. Вот, что писала в свое время по этому поводу “Киргизская степная газета” (1894, №47): “Особенно появление эпидемии и эпизоотии производит на киргиз (казахов) панический страх. Они убеждены, что когда люди позабывают Бога, тогда на земле появляются эпидемии. ...Оспа на землю является в виде дряхлой старухи без звуков, с большой косматой головой...”

На основе подобного верования подвергались запрету имена следующих болезней: *қызылша* (корь), *шешек* (оспа), *мәлік* (чума). Например, если в доме кто-либо заболел *корью*, болезнь открыто не упоминали, а называли ее эвфемизмом *қызыл көлек* (букв. красное платье) и др.

Название оспы также старались не произносить и употребляли вместо него известные эвфемизмы: *мейман*, *қонақ* (гостя), *әулие* (святая), или *қорасан*. Например, если в семье кто-нибудь заболел оспой, посторонним дали об этом узнать, сказав: *үйде қонақ (мейман) бар* (букв. у нас в доме гостя или к нам гостя пожаловала).

Вместо *мәлік* (чума скота) предпочитали употреблять эвфемистические имена – *қыз* (девушка), *кемпір* (старуха), *ақ байпақ* (букв. белый чулок).

3. *Имена злых духов* также являются одним из объектов запрета. Так, раньше, по словам Г.Мусабаева, казахи избегали слово *шайтан*. Вместо него употребляли эвфемистическую замену *сары бала*, что буквально означает желтый мальчик [3, с. 25-27]. Кое-где слово *шайтан* заменяли эвфемистическими сочетаниями *теріс табан* (букв.криволапый), *щимұрын* (букв.остроносый). Иногда, болезни считались делом рук злых духов и в таких случаях о больном говорили: *бір нәрсе көрінген* (что-то ему показалось) или *бір нәрсенің салқыны тиген* (букв.задело его что-то своим холодком). Здесь слов *бір нәрсе* (что-то) употреблено именно с уелью не называть злого духа его настоящим именем. Подобной же эвфемистической заменой можно назвать и слово *қара*(черный), встречающееся в поклятии *қара басқыр* (букв.да подавит тебя черный), где слово *қара* явно заменяет *албаст*, ибо иногда наряду с проклятием *қара басқыр* также употребляю *албасты басқыр*, т.е. да подавит тебя дьявол.

4. *Слово, вызывающие дурные предзнаменования или вред*. По своей природе они разнообразны, но в целом обусловлены суеверными приметами и древними обычаями. Так, казахи раньше избегали слов: *ұрланды* (украдено), *жоғалды* (потеряно). Вместо них употребляли эвфемизм *қолды болды*, который буквально означает “дело (чужих) рук”. Боялись также говорить слово *жай* (молния), заменив его эвфемизмом *жасыл* (зеленая). Вместо *күн батты* (солнце садилось) предпочитали говорить *күн байыды* (букв.солнце разбогатело), вместо *мал суалды* (букв.скот перестал доиться) – *мал байыды* (букв.скот стал богат). Одним словом, дурное воздействие и магическое свойство потенциально могли приписываться лбому слову. Об этом красноречиво говорят следующие строки Ч.Ч.Валиханова: “Язык человека через слово имел, по мнению киргизов (казахов), разрушительное влияние. “Слово человека может раздробить камень, если не камень, то голову человека”... Если у киргиза (казаха) умрет красн ребенок, пропадет хороший конь, улетит хороший сокол, испортится ружье – все приписывается человеческому языку? [4, с. 482].

Приписывая словам магическую силу, люди обычно воздерживались от проклятий, боялись хвалить детей, животных, охотничьих птиц и много др., чтобы не сглазить их. А в случаях нарушений этого обряда немедленно прибегали к «спасительным формулам», т.е. выговариванию заклинания: *тіл-аузым тасқа* (букв.пусть сказанное мною заденет камень) или *тфа, тфа* – имитация плеванья. Вот наглядный пример: *Тіфа, тіфа, тіл аузым тасқа, қалқам-ау, соқтауылдай жігіт боп қалыпсың ғой...*(С.Муканов). в буквальном переводе: “Тфа, тфа, будь это сказано камню, милый ты мой, каким ты вырос боьшим-пребольшим”.

В определенных ситуациях любое обыкновенное слово могло стать опасным, потому и объектом запрета, подлежащим эвфемизации. Убедительно об этом пишет Ч.Валиханов: “Рым, т.е. обычай, соблюдение которых в шаманствеизбавляло от несчастий, а нарушение вело за собой какое-нибудь бедствие... Особенно много рымов киргизы(казахи) наблюдает во время походов и баранты. Слова: түс – сходи с лошади, байла – вяжа, дабы не послужили дурным предзнаменованием, заменяет благоприятными для них по смыслу словами: қон, бекіт, иір. Песен не поют; вместо сапты-аяк говорят джулды-аяк (жолды аяк) кобылу называют жеребцом, потому что ездить на баранту на кобылах считается неблагоприятным для успеха” [4, с. 483-487].

Из этого следует заключение, что число подобных запретных слов и заменяющих их эвфемизмов могло быть довольно многочисленным.

Таких примеров много. Поэтому ограничимся лишь перечислением эвфемистических слов и выражений, обычно употребляющихся вместо слова *өлді* (умер). Так, например: а) смерть представляется как уход (из этого мира) или возвращение (в потусторонний мир): *өтті* (досл.прошел), *кетті* (ушел), *жүріп кетті*, *аттанып кетті* (отправился), *қайтты*, *қайтып кетті* (возвратился); *қайтпас сапарға кетті* (букв. отправился в безвозвратное путешествие), *о дүниеге жөнелді* (отправился в тот мир); б) смерть представляется как покой, отдых или вечный сон: *жұмды* (букв.закрыв глаза), *мәңгі ұйқыға кетті* (букв.заснул вечным сном); в) смерть представляется как потеря или лишение представляется как нечто оборвавшееся, остановившееся движение, течение, дыхание: *үзілді*, *демі бітті*, *демі тоқтады*; д) понятие «умер» также передается выражениями различных образных представлений: *қайындап кетті*, *шейіт болды* и др.

Слова, обозначающие такие понятия как “могила”, “кладбище”, “хоронить” также подвергаются эвфемизации. Например, вместо *көр* (могила) нередко употребляют эвфемистические слова *орын*, *жай* (место). Очень часто вместо яэ *өлік* (мертвец, труп) предпочитают употребить более благозвучные слова: *сүйек* (букв.кость), *дене* (тело), *мәйіт* (останки). Точно также вместо слова *көму* (хоронить) приятно говорить *қою* (букв.ставить), *жерлеу* (букв.засыпать землей).

Политические эвфемизмы. Возникновению политических эвфемизмов способствуют несколько иначе, чем морально-этические религиозно-бытовые и другие предпосылки.

О назначениях политических эвфемизмов и причинах их возникновения достаточно сослаться на исчерпывающие определение проф. Р.А.Будагова: (В тех случаях, когда эвфемизмы имеют стилистическое назначение, например в поэзии, или когда прибегают к замене слов, обычно неприятных в разговоре (например, наименование некоторых частей человеческого тела, отправления организма и пр.), или когда не хотят обидеть человека, имеющего физические недостатки, эвфемизмы вполне возможны и в современном языке нашего общества. Это особый вид эвфемизмов. В тех же случаях, когда эвфемизмы употребляются с целью отделить язык “благородных людей” от языка “простого народа” или в тех случаях, когда эвфемизмы выступают как своеобразный признак своеобразного языка буржуазных дипломатов (по принципу Талейрана: “язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли”, т.е. обманывать народы) – в этих случаях мы имеем дело с другим типом эвфемизмов, в эвфемизмы, тяготеющие к синонимам (например, “быть навеселе” – быть пьяным). Напротив, второй тип эвфемизмов – это эвфемизмы, обусловленные желанием говорящего умышленно исказить действительность” [8, с. 78-79].

Средства массовой информации издавна прибегали и прибегают к политическим эвфемизмам и завуалированным фразам, как одному из излюбленных приемов ограждения своих корыстных и алчных целей от масс.

Пути и способы эвфемизации речи в казахском языке разнообразны.

1. Простейшим приемом эвфемизации речи является – *эллипсис*, который в письме обозначается многоточием. Этот прием эвфемизации чаще всего применяется по отношению к вульгарным выражениям. В основном, эвфемистический эллипсис делается или самим вторым или цензурой. А в устной речи эффект достигается путем орывания речи и изменением интонации или жестами. Например:

Сенген қойым сен болсаң,
Күйсеген аузыңды... (Поговорка)
Сөзіне ақ Айманның шыдай алмай,
Жіберді Теңге ...дамбалына (Айман-Шолпан).

Иногда вульгарное слово не опускается полностью, а подвергается буквенному сокращению. Например: “Асыңды ішейін, дағарыңа т...ның”) кері болмай ма оныңыз? (С.Муканов). или:

Сатып алма сөз сатса,
Ол асылды таба алмас,
Б.. байы – ақша,
Ер жақсысын таңдамас. (Абай)

2. Своеобразным приемом эвфемизации служила частичная деформация Запретного слова. К такому пиему главным образом прибегали женщины вследствие родового обычая в дореволюционном Казахстане, согласно которому им запрещалось называть настоящие имена родственников мужа. Так, вместе Ахмет говорили Сахмет (прибавлено «С»), вместо Жакып – Мақып, вместо Мамбет – Самбет (замены: “Ж”> “М”, “М”>“С”) и др.

В настоящее время с связи с исчезновением этого старого обычая такой прием эвфемизации также перестал существовать. Однако другой прием, который используется также для образования эвфемизмов, существует и поныне. Им является прием, согласно которому к именам, по тем или иным причинам не подлежащим открытому или полному произношению, прибавляется полусуффикс – ақа//-еке, қа//-ке, этимологически восходящий к слову *аға*<*ақа*. Например, когда неудобно называть Ахмета в силу национальной традиции Ахметом, его можно переименовать как Ақа, Ербола – Ереке, Жандоса – Жаке и т.д. этим и одновременно выражается оттенок уважительности, почтительности.

3. Замена запретного слова словом обобщенно-нейтрального значения так же служит одним из способов эвфемизации. Такая замена обычно происходит в тех случаях, когда прямое название предмета или явления неблагозвучно воздействует на слух окружающих или собеседника. Для того, чтобы не называть конкретную болезнь, которой страдает человек, можно говорить о нем просто *науқас*, которое имеет более общее, собирательное значение. Точно также вместо того, чтобы

назвать конкретный физический недостаток человека (скажем: ақсақ, шолақ и пр.) можно обходиться словом *кемтар*, которое также имеет общее значение «недостаток».

4. Замена запретного слова иноязычными элементами.

По поводу иноязычных слов-эвфемизмов французский лингвист Ж.Вандриес писал следующее: “Пристойность или непристойность слова устанавливается условно: одно и то же слово становится приличным, перейдя границу национального языка. Слова *pissoir*-по-немецки звучит менее неприличным, чем по-французски. Заимствование из чужого языка смягчает грубость выражаемого понятия. Иностранное слово в таких случаях становится эвфемизмом” [9, с. 205].

В казахском языке к числу иноязычных эвфемистических слов можно отнести следующее: *нажіс* (арабское), обозначающее “экскременты”, *кеюана* (персидское), употребляющееся вместо грубоватого *кемтір* (старуха). Некоторые слова, заимствованные из русского или через русский язык как, например, *бюстгалтер* или *эпилепсия*, *рахит*, *диабет* и др. также не лишены эвфемистического смысла.

5. Тропы поэтического языка (метафора, метонимия, синекдоха, парафраза, ирония, символ и др.) также являются наиболее продуктивными способами эвфемизации речи.

а) *Эвфемистическая метафора*. Как известно, метафора – это троп, в котором слова и выражения употребляются в переносном смысле на основании сходства, аналогии. Благодаря своей гибкости метафора позволяет сближать самые разные явления. На основе этой же гибкости происходит и процесс эвфемизации. Иначе говоря, метафора иногда выступает в качестве обыкновенного эвфемизма. Например:

...Он сегіз, он тоғызға келгеннен соң,
Алмасы өкпе болар қол батпаған... (Абай)

В данном примере подчеркнутые слова алма(яблоко) – метафора. Оно не только образно представляет женскую грудь, но и выступает в качестве эвфемизма, так как заменяет слово *емшек*, открытое употребление которого считается неприличным. В работе приводятся и анализируются и другие примеры, которые ярко характеризуют эвфемистическую функцию метафоры.

б) *Эвфемистическая метонимия*. В образовании эвфемизмов заметную роль играет и метонимия. В отличие от метафоры в метонимии перенос названия с одного предмета на другой производится не на основе сходства и аналогии, а на основе наличия каких-либо реальных связей между ними, т.е. на основе ассоциации по смежности. Именно это качество нередко позволяет метонимии выступать в роли эвфемизма. Примеры:

Өпен Ефимнің қызы Марияны алғанда замандастары: - Енді сіздің үйден *қорсылдықтың құлағын жейміз зой...* - деп мазақтаған болатын (Г.Мусрепов). – *Үйде анау ащы бар ма еді!?* (“Жалын”).

В приведенных примерах подчеркнутые слова *қорсылдақ* (досл.хрюшка), *ащы* (горький) представляют одно из многих свойств, присущих отдельным вещам. В данном случае под словом “хрюшка” подразумевается “свинья”, а “горький” - водка. Ноо несмотря на то в вышеприведенных примерах признак предмета полностью заменяет его названия, что является процессом не только метонимическим, но и эвфемистическим.

Нередко в устно речи вместо *шошқа* предпочитают употреблять *ақ қой* (букв. белая овца), а вместо *арақ – көк мойын* (досл. Синее горлышко) и др. и здесь налицо функция эвфемистической метонимии. В работе анализируются и другие примеры.

Не менее важное значение в образовании эвфемизмов играют и другие виды тропа – синекдоха, символ, ирония т парафраза. В работе они рассмотрены также подробно. Поэтому здесь мы ограничимся лишь примерами на них.

в) *Эвфемистическая синекдоха*: *Өзіміздің де қарнымыз ашты. Біздіңбәйбішенің жолға берген азын-аулаһ азығы бар.* (С.Мұқанов).

В данном случае употребление мн.числа (*-мыз//-міз*) вместо единственного придает данному выражению оттенок вежливости, скромности.

г) *Эвфемистический символ*:

...Арызымызды сізге айтайын
Көтерсең менің назымды:
Саусағы алтын сұңқарға

Ілдірейін деп келдім
Көлдегі үйрек қазыңды;
Алтайы қызыл түлкіңе
Қосайын деп ойлап ем
Құмай жүйрік тазымды;
Тікбікке ақ үй сұраймын
Ел қонбаған сазыңды... (Батырлар жыры).

В этом отрывке, извлеченном из эпоса «Қамбар батыр», посылны калмыского хана обращается к отцу Назым с просьбой выдать ее (Назым), замуж за Карамана. Но посылный Келменбет об этом открыто не заявляет. Он выражает свою мысль образно, завуалированными эвфемистическими фразами, которые подчеркнуты в вышеприведенном примере. Так, *саусағы алтын сұңқар, құмай жүйрік тазы* являются символическим образом Карамана, а под словами *үйрек, қаз, түлкі, саз* (соответственно: утка, гусь, лиса, лужайка) подразумевается Назым.

д) Эвфемистическая ирония:

...Көрінсін Біржан салға ай секілді,
Ақ құйрық көңіл ашар шай секілді.
Ұсынса қол жетпейтін арғымағым,
Арғынға баламаймын тай секілді... (Айтыс)

Приведенный отрывок, взятый из известного состязания “Биржан-Сара”, является блестящим примером эвфемистической иронии. Прибегая к иронии непревзойденная Сара какбы ограждает своего неудачливого мужа от полного разоблачения. Именно ирония смягчает здесь резкость и оскорбительность высказывания, адресованного уродливому Жиенкулу в присутствии его близких.

е) Эвфемистическая парафраза:

– Әй, қураған-ай.. – деп, соған қосып аса қатты, сұмдық бір боктықты айтып қалды. Оспанға ұрсамын деп Ұлжанды боктаған еді. (М.Әуезов).

Настоящий пример ярко выражает эвфемистическую функцию парафразы. Только благодаря ей вульгарная фраза (в примере она отмечена многоточием) полностью завуалирована, хотя суть ее остается незатронутой.

Таким образом, вследствие запретов в качестве реакции на них язык тут же приобретает эвфемизмы. А это влечет за собой явные изменения в структуре лексики языка.

В частности, языковой запрет и эвфемизация в той или иной мере способствуют образованию синонимических рядов, омонимов и расширению значений слов. К примеру можно взять слово *түйме* (пуговица). В обычном употреблении оно не имеет ничего общего со словом *жылан* (змея). Однако, последнее вследствие запрета некогда подвергалось эвфемизации и в результате чего получило завуалированное название – **түйме**. Таким образом, **жылан** и **түйме** формально стали синонимами. И здесь же наблюдается другая картина: превратившийся в название нового и необычного для себя предмета слово **түйме** как-бы становится омонимом самого себя. Ср.: **түйме** – пуговица, **түйме** – змея.

Иногда в соответствующей ситуации или контексте слово, выполняя эвфемистическую функцию, приобретает совершенно неожиданное значение. Например, в обычных условиях, т.е. вне контекста, никто не видит эвфемизмы в словах: *жәндік, адал, арам, асу, қара жол* (соответственно: существо, преданный, паганный, перевал, тропа). Но достаточно им оказаться в соответствующем контексте, чтобы они приобрели необычный смысл. Подтвердим сказанное примерами:

Қызға қарасам, басын көрпесімен бүркеп алған. Бірақ оны да *жәндіктер* шаға ма, немене, көрпе астында тыпшып, бүлкің-бүлкің етеді (С.Муканов).

...Ақ Айман, абұйыр мен ұят керек,
Табылса әрбір жерден сөздің ағы.
Түсіп ең қорқау қасқыр ауызына,
Өзіңе **адал**, бізге **арам** болдың дағы,
Жан аспас қия беткей **асуыма**
Талқын кып **қара жолды** салдды дағы.

(Айман-Шолпан).

В данном случае *жәндік* представляет собой эвфемистическое название бытовых паразитов, а остальные тонко намекают на якобы совершившуюся супружескую измену. И все это достаточно ясно говорит о влиянии языковых табу и эвфемизмов на изменение в семантической структуре лексики.

Заклучение. Интерес к табу и особенно эвфемизмам объясняется неограниченными возможностями этих явлений, выступающих в качестве одного из факторов изменений значений слов, обогащения словарного состава языка, развития культуры речи.

Список использованной литературы:

- 1 Реформатский А.А. Введение в языкознание.- М., 1967. - учебник
- 2 Потанин Н.Н. Очерки Северо-западной Монголии, вып. 4.- СПб, 1883.-книга
- 3 Мусабаев Г. Современный казахский язык, I, Лексика.- Алма-Ата, 1967.- учебник
- 4 Валиханов Ч. Собр. Соч. В пяти томах. Т. I.- Алма-Ата, 1961.- книга
- 5 Самойлович А.Н. Запретные слова в языке казах-киргизской замужней женщины, «Живая старина», т. 14, вып. 1-2.- Петроград, 1915.- книга
- 6 Рақышев А. Анатомия терминдерінің қазақша-орысша-латынша және латынша-орысша-қазақша сөздігі, 2-білім. - Алматы, 1966. -словарь
- 7 Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі.- Алматы, 1966.- словарь
- 8 Будагов Р.А. Очерки по языкознанию. -М., 1953. - книга
- 9 Вандриес Ж. Язык.- М., 1937.- книга.

References:

- 1 Reformatski A.A. Vvedenie v iazykoznanie.- M., 1967. – uchebnik
- 2 Potanin N.N. Ocherki Severo-zapadnoi Mongolii, vyp. 4.- SPb, 1883.-kniga
- 3 Musabaev G. Sovremennyi kazahski iazyk, I, Leksika.- Alma-Ata, 1967.- uchebnik
- 4 Valihanov Ch. Sobr. Soch. V päti tomah. T. I.- Alma-Ata, 1961.- kniga
- 5 Samoilovich A.N. Zapretnye slova v iazyke kazah-kirgizskoi zamujnei jenziny, «Jivaia starina», t. 14, vyp. 1-2.- Petrograd, 1915.- kniga
- 6 Raqyşev A. Anatomia terminderiniñ qazaqşa-orysşa-latynşa jäne latynşa-orysşa-qazaqşa sözdıgı, 2-bilim. - Almaty, 1966. -slovär
- 7 Qazaq tiliniñ qysqasha etimologialyq sözdıgi.- Almaty, 1966.- slovär
- 8 Budagov R.A. Ocherki po iazykoznaniiu. -M., 1953. – kniga
- 9 Vandries J. İazyk.- M., 1937.- kniga.

МРНТИ 16.41.99

Сагидолда Г.,¹ Жылқыбай Г.Қ. ²

¹ Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан

² Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан, Қазақстан

ТҮРКІ ЛЕКСИКОГРАФИЯСЫ: ЖЕТІСТІКТЕРІ ЖӘНЕ АЛДАҒЫ МІНДЕТТЕРІ

Аңдатпа

XX ғ. 50 жылдарынан көне қыпшақ тілінің мұрагерлері – қазақ, қарақалпақ, ноғай, башқұрт, татар, қарайым, құмық, қарашай, балқар т.б. қыпшақ тобын құрайтын қазіргі тілдердің сөз қазынасын, грамматикалық құрылысын, дыбыстық жүйесін зерттеуге бағытталған іргелі зерттеулер жарық көрді, олардың әрқайсысының тіл білім ғылымы қалыптасты. Тіл жүйесінің дыбыстық, лексика-грамматикалық құрылым-құрылысы фонетика, морфология, синтаксис, лексикология, фразеология, лексикография т.б. салаларының дербес нысандарына айналып, ол салалар іштей тармақтарға (фонология, морфонология, мәтін синтаксисі, терминология, ономастика, тарихи